

МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ – 2012

Приложение
к журналу
“Весті
Нацыянальнай
акадэміі навук
Беларусі”

ЧАСТЬ 2

Д. Г. ДЬЯКОВ

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ МОДЕЛИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В РУСЛЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск

Постановка проблемы. Одним из наиболее острых и в то же время слабоизученных вопросов психологии сегодня является проблема самоидентификации ребенка. Несмотря на большое количество различных теорий идентичности в психологии (Э. Эриксон, Х. Тэджфел, Дж. Теннер, Брейкуэлл, Дж. Марсиа, Ж. Лакан и др.), а также в непсихологической социогуманитаристике (Ю. Хабермас, П. Бергер, Т. Лукман, Р. Бурдье, А. Гидденс, Дж. Ури, П. Рикер и др.), разработка концепции самоидентификации в рамках культурно-исторической психологии представляется актуальной и обоснованной. Обращение к культурно-исторической психологии в ходе исследования идентичности ребенка позволяет решить ряд методологических проблем: преодолеть противопоставление социальной и личной идентичностей, разрешить вопрос о том, объединяет или сегрегирует идентификация человека с обществом и т. д. Более того, обращение к этому психологическому направлению позволяет определить критерии сформированности процесса самоидентификации, что является особенно важным при изучении развития этого процесса в онтогенезе. В то же время в поле культурно-исторической психологии практически отсутствуют попытки концептуализации понятия идентичность (за исключением концептуализации отдельных понятий, тесно связанных с проблемой самоидентификации, например, понятия «автобиографическая память» [13]). В русскоязычной психологии стоящая за самоидентификацией психологическая реальность обсуждалась в рамках деятельностного подхода, который иногда встречается исследователями в логику культурно-исторической психологии (что является спорным), а также преимущественно в русле когнитивного и психодинамического подходов [12].

Выстраивая теоретический конструкт самоидентификации, разрабатывая его модель, мы опираемся, прежде всего, на идеи двух советских мыслителей, которых по праву можно рассматривать как основоположников культурно-исторического направления в советской и мировой психологии, – М. М. Бахтина и Л. С. Выготского [9; 15].

Понятие самоидентификации. Важнейшим этапом построения модели самоидентификации в рамках культурно-исторического подхода является обоснование включения этой категории в систему его ключевых понятий и идей. Решая эту задачу, мы обращаемся, прежде всего, к категории *переживания*, разрабатывавшейся Л. С. Выготским на позднем этапе его профессиональной деятельности. Л. С. Выготский предлагал рассматривать переживание как внутреннее личностное отношение человека к действительности, осуществляющееся в единстве интеллектуального и аффективного. Переживание осмысливалось этим психологом в качестве оптимальной единицы анализа психического [8]. Мы рассматриваем самоидентификацию как вид переживания – переживание человеком себя в мире людей. Тогда идентификация в рамках нашей модели, в соответствии с общим понижением масштабности, будет рассматриваться в качестве единицы анализа самосознания личности. Аналогично тому, как в психологии позднего Л. С. Выготского переживание в своей динамической (как процессе) и статической (как результат) ипостасях выражает основные общие закономерности психики, идентификация в своей процессуальной (как акт идентификации) и статической (собственно идентифицированность или идентичность) ипостасях отражают магистральные линейные и дискретные особенности самосознания. Определяя идентификацию как особый вид переживания, мы рассматриваем ее в единстве интеллекта и аффекта, характеризующем, согласно Л. С. Выготскому, переживание. Это исключает возможность выделения в структуре самоидентификации, равно как и в структуре самосознания, самостоятельно существующих и, соответственно, эмпирически фиксируемых когнитивных и аффективных компонентов. Мы предлагаем рассматривать самоидентификацию субъекта как *переживание человеком себя в мире*.

Одна из важнейших задач самоидентификации для человека – поддержание сознания тождественности себя как целого во временной перспективе. Этот весьма существенный признак самоидентификации вытекает из неклассической методологической позиции Л. С. Выготского. В последней абсолютизируется идея целостности, в частности, в положении о неделимом единстве аффективного и интеллектуального, личностного и средового в переживании, а у раннего Л. С. Выготского – в идее о значении как единицы анализа сознания. Итак, самоидентификация в рамках обсуждаемой модели рассматривается в качестве *процесса формирования самотождественности субъекта во времени как целого, но не тождественности во времени его отдельных черт или свойств*. Такое целостное рассмотрение, кроме всего, позволяет более четко определить эмпирические границы идентичности¹.

Мы обращаемся также к одной из центральных идей Л. С. Выготского о том, что мысль не выражается, но формируется в языке [7]. Продолжая эту линию размышлений Л. С. Выготского, мы полагаем, что идентификация осуществляется (а не выражается) через апелляцию субъекта к категориям языка. Человек обращается к тем категориям (и, соответственно, стоящим за ними социальным позициям), которые позволяют сохранить целостный конструкт себя во времени. Для этого в языке отбираются те категории, которые фиксируют человека как целое. Последние формируются в опыте реального или воображаемого социального взаимодействия людей и отражают направленность, характер и интенсивность его социальных репрезентаций. Таким образом, формируясь первоначально в поле межличностных отношений субъекта и выполняя функцию орудий его социальной репрезентации, идентификационные категории становятся средством формирования самосознания человека. Именно эти социальные по своему характеру языковые категории и используются человеком для сохранения своей самотождественности во времени. Исходя из этого, можно утверждать, что идентификация является *знаково-опосредованным по своей сути и как следствие произвольным психическим процессом*, который правомерно тогда рассматривать как одну из высших психических функций человека. Знаково-опосредованность обеспечивается за счет включения в структуру процесса самоидентификации идентификационных категорий. Последние выполняют функцию организации хаотично формирующейся (вне и до организующего воздействия идентификационных категорий) автобиографической памяти.

Таким образом, самоидентификация рассматривается здесь как высшая психическая функция знаково-опосредованного переживания субъектом себя в мире, обеспечивающего целостность и временную преемственность самопредставления.

Самоидентификация как процесс переживания субъектом себя в ходе осуществления внутреннего диалога. При построении данной модели исходим из положения о том, что переживание субъектом себя в ходе самоидентификации предполагает осуществление внутреннего диалога. Этот тезис требует аргументации.

Первый вопрос, на который нам нужно ответить, аргументируя это положение: почему самоидентификация предполагает *внутреннее общение*? Здесь следует обратиться к идеям М. М. Бахтина, В. С. Библера и Г. М. Кучинского о сущности роли внутреннего общения в познании, в том числе и самопознании.

М. М. Бахтин отмечает, что слово является двусторонним актом, определяя слово как «мост, перекинутый между мной и другим». Если одним концом он опирается на меня, то другим концом – на собеседника» [6, с. 88]². При этом М. М. Бахтин активно рассматривает также понятие внутреннего голоса, который активно участвует в сосуществовании с другими голосами [3]. Следовательно, осуществляющаяся в определении себя словом самоидентификация всегда есть выход в слово за пределы себя, при сохранении над ним определенной субъектного контроля. При этом другой, участвующий в самоидентификации личностный субъект переходит во внутренний план, оставаясь при этом «другим».

Г. М. Кучинский рассматривает общение как единственное условие появления знака в качестве заместителя объекта, а когда оба общающихся голоса «перемещаются во внутренний план», знак начинает использоваться как средство обозначения объекта в ходе внутреннего общения [10, с. 113]. В качестве объекта такого общения может выступать личность самого человека, т. е. он сам как целостность. Г. М. Кучинский прямо указывает на значимость внутреннего диалога в самопознании: «Соответственно и внутренний диалог участвует в самоопределении, самопознании личности, начиная с определенного возраста в течение всей жизни» [10, с. 148]. При этом обращение к знаку не есть просто замещение предмета в ходе внутреннего общения. Благодаря этому обращению, как указывает Г. М. Кучинский, становится возможной принципиально новая форма взаимодействия с предметом: «... Интерпретация знака постоянно

¹ Эта идея близка также позиции М. М. Бахтина относительно природы самосознания: «Как дана моя внешность для меня самого. Фрагменты моего тела, непосредственно (без зеркала) данные мне извне. Как я представляю себя самого, когда думаю о себе. Я ставлю себя на сцену, но не перестаю ощущать себя самого в себе» [4, с. 72].

² Данную работу М. М. Бахтин опубликовал под фамилией Волошинов (согласно общепринятой версии).

обнаруживает его предметное содержание, в результате чего за знаком открывается предмет» [10, с. 113, 114]. Следовательно, реформируясь в качестве орудия самообозначения субъекта, знак, таким образом, обеспечивает возможность принципиально иного отношения к себе, взаимодействия человека с собой, переосмысления себя.

В. С. Библером внутреннее общение рассматривается как орудие становления нового типа самосознания, характеризуемого следующим образом: «...Когда себя познает «Я», антиномически расчлененное, могущее активно и конфликтно взаимодействовать с самим собой...» [5, с. 166].

Второй вопрос, на который здесь необходимо ответить: почему именно внутренний диалог, а не альтернативные ему формы внутреннего общения (монолог, реплицирование, в том числе двухголосое) рассматриваются в качестве механизма самоидентификации?

М. М. Бахтин, недвусмысленно указывает на необходимость самоидентифицированности субъекта как условия осуществления им внутреннего диалога: «Объективируя себя (т. е. вынося себя вовне), я получаю возможность подлинно диалогического отношения к себе самому» [1, с. 332]. В этой фразе имплицитно заключено следующее: самоидентификация является необходимым условием внутреннего диалога и, что гораздо важнее для нас, последний является ее процессуальной сущностью, поскольку вне диалога такая объективация невозможна.

Наконец, самоидентификация является ответом на вопрос личности: «Кто есть Я?». Вопрос, который в логике культурно-исторической традиции должен возникнуть прежде как феномен социальной идентификации человека, а затем превратиться во внутреннюю потребность личности. Отвечая на этот вопрос, субъект вступает во внутренний диалог с отчужденным социокультурным «Я». Естественным образом возникает вопросно-ответный цикл, являющийся одной из наиболее характерных форм внутреннего диалога, согласно теории Г. М. Кучинского [10].

Правомерным становится третий вопрос: каким должен быть прегнанный самоидентификационный диалог? Какую форму он должен принять? Среди известных жанров внутреннего диалога наиболее соответствующей логике самоидентификации, как уже отмечено, выглядит вопросно-ответная форма, предполагающая необходимость «самовопрошания» субъекта: «Явным внутренним диалогом могут быть рассуждения ... вслух с собственными вопросами и ответами...» [10, с. 65]. Действительно, для того чтобы идентификационная категория приобрела функции организации существующих в сознании содержаний прошлого опыта субъекта, его ценностно-смысловой трансформации в этической сфере, человеку необходимо *ответить себе на вопросы* о том, кем он является и на чем это основано, возникшие изнутри, затребованные самой личностью. Таким образом, в ходе переживания себя в мире субъект вынужденно сочетает две позиции: позицию вопрошающего и позицию отвечающего. В ходе «диалога этих голосов» и происходит самоидентификация.

Функциональная структура самоидентификации. Разрабатывая структуру самоидентификации как высшей психической функции, мы опираемся на идею Л. С. Выготского о необходимости совмещения структурного и функционального принципов анализа психологической реальности [11]. Разрабатывая модель функциональной структуры самоидентификации, мы ориентируемся на сформулированное выше понятие самоидентификации как высшей психической функции, а также на определенную в предыдущем разделе роль внутреннего диалога в осуществлении этого процесса.

Исходя из сформулированного выше понятия, процесс самоидентификации должен обеспечивать реализацию двух основных функций: формирование субъектом представления о себе как целом при помощи использования категорий языка и фиксации связи человека как целого с ассоциированной временной перспективой его жизни. Последнее обеспечивается двумя подфункциями самоидентификации: формированием связи между избранной категорией и разрозненной феноменологией, характеризующей представление человека о себе (связь по линии *настоящее – прошлое*), а также формированием связи между идентификационной категорией и мотивационно-смысловой сферой человека, характеризующей регуляторный аспект его деятельности (связь по линии *настоящее – будущее*).

Рассмотрим каждую из этих подфункций. Формирование субъектом представления о себе как целом при помощи использования категорий языка обеспечивается осуществляемым в ходе внутреннего диалога самоотчуждением и обращением к знакам, функцией которых является обозначение социокультурных позиций. В ходе самоидентификации человек превращает эти социогенетические по своему происхождению категории в орудия организации самосознания.

Формирование в ходе внутреннего диалога осознанных соотношений между идентификационной категорией, выражающей целостное самопредставление, и феноменологией автобиографической памяти мы связываем с работой механизмов анаксиоматизации и гелераксиоматизации, т. е. понижения и повышения

значимости определенных позиций, которые востребованы заданной идентификационной категорией³. Таким образом, события памяти меняют свой статус в сознании человека. Из явлений прошлого, которые не представляли для него специальной значимости, преобразуются в явления, играющие существенную роль в определении им себя как личности. Кроме того, в ходе осуществления данной функции субъектом может актуализироваться механизм до-воображения прошлого, за счет которого поле феноменов самопредставления достраивается до минимума, необходимого для полноценной легитимации избранной идентификационной категории.

Наконец, функцию формирования связи между идентификационной категорией и мотивационно-смысловой сферой человека мы также рассматриваем как осуществляемую на основе принципа единства механизмов изменения субъективной значимости, а также воображения.

Теперь обратимся к формам внутреннего диалога, обеспечивающим работу самоидентификации. Согласно важнейшему положению М. М. Бахтина (рассмотренному нами выше), целостное представление себя сознанию становится возможным только при условии самоотторжения, которое осуществляется в ходе апелляции к социокультурному зеркалу, т. е. в ходе соотношения себя с социально-культурно-категориальной матрицей [2; 4]. Следовательно, до и вне такого соотношения дальнейшее волевое действие с самим собой на уровне внутреннего диалога оказывается недоступным. Поэтому *ключевым личностным этапом самоидентификации* является внутренний диалог, направленный на формирование идентификационной категории, отражающей проекцию человека на доступное ему социокультурное поле. «Голосами» такого диалога становятся субъект и интериоризированный, т. е. перенесенный в его сознание в качестве самостоятельного актора, внешний мир или «социокультурный другой». Субъект в логике, предложенной М. М. Бахтиным, получает возможность «отторжения себя от себя» и таким образом, возможность осуществления уже полноценного внутреннего диалога, участниками которого становятся внутренние голоса, смысловые позиции его личности. Именно такой тип внутреннего диалога, при котором социогенетически оформленная внутренняя смысловая позиция вступает в диалог с фрагментированными структурами личности, обеспечивает работу, направленную на реализацию функции осознания человеком себя в контексте целостной временной перспективы. В рамках диалога фрагментированного субъекта со своим отторгнутым от-социокультурным⁴ «Я» осуществляется реализация двух подфункций этой функции: формирование осознанных взаимоотношений от-социокультурного «Я» с феноменологическими фрагментарными проявлениями самосознания, а также с фрагментированными содержаниями его мотивационно-смысловой сферы.

Выводы

1. Нормативная модель самоидентификации включает три основных функциональных компонента: становление знака (слова) как идентификационной категории, выступающей орудием самоотчуждения субъекта, а также фиксации субъектом себя как целого; осознанное соотношение целостного самопредставления, отраженного в идентификационной категории, с разрозненным содержанием феноменологии самосознания; осознанное соотношение целостного самопредставления, отраженного в идентификационной категории, со смысловыми основаниями деятельности.

2. Функциональные компоненты самоидентификации опираются на работу внутреннего диалога, который может приобретать две формы: диалог, смысловыми позициями которого являются фрагментированное «Я» и интериоризированный другой; диалог, смысловыми позициями которого являются культурно-оформленное «Я» и фрагментированные структуры личности. Последний тип диалога может реализовываться в двух вариантах: диалог культурно-оформленного «Я» и фрагментированных содержаний авторисграфической памяти; диалог культурно-оформленного «Я» и фрагментированных содержаний смысловой сферы субъекта.

Литература

1. Бахтин, М. М. 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 5. – М., 1996.
2. Бахтин, М. М. Человек у зеркала // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – Т. 5. – М., 1996.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1979.

³ Термины приобрели концептуальную наполненность в работах И. М. Розета, который рассматривал анаксиоматизацию и гипераксиоматизацию в качестве механизмов изменения субъективной значимости, лежащих в основе ряда относительно динамичных явлений сознания, таких как переживание комического, эмоциональный катарсис и т. д. [14 и др.].

⁴ От-социокультурный здесь понимается как результирующий отражение человеком себя в социуме и культуре.

4. Бахтин, М. М. К вопросам самосознания и самооценки // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. – Т. 5. – М., 1996.
5. Библер, В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога) / В. С. Библер. – М., 1975.
6. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов. – Л., 1930.
7. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М., 1982–1984. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – М., 1982.
8. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. – М., 1982–1984. – Т. 4: Детская психология. – М., 1984.
9. Шоттер, Дж. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» / Дж. Шоттер // Вопросы психологии.–1996. – № 6. – С. 107–117.
10. Кучинский, Г. М. Психология внутреннего диалога / Г. М. Кучинский. – Минск, 1988.
11. Мещеряков, Б. Г. Логико-семантический анализ концепции Л. С. Выготского. – Самара, 1998.
12. Микляева, А. В., Румянцева, П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования / А. В. Микляева, П. Ф. Румянцева. – СПб., 2008.
13. Нуркова, В. В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности / В. В. Нуркова // Мир психологии. – 2004. – № 2. – С. 77–87.
14. Розет, И. М. К вопросу о психологической природе идеалов / И. М. Розет // Адукация и выхаванне. – 1994. – № 10. – С. 70–78.
15. Фрумкина, Р. М. Культурно-историческая психология Выготского-Лурия / Р. М. Фрумкина // Человек. – М., 1999. – Вып. 3. – С. 35–46.

D. G. DZYAKAU

THE POSSIBILITY OF THE BUILDING OF NORMATIVE AUTO-IDENTIFICATIONAL MODEL IN CONCEPTUAL PROSPECT OF CULTURAL-HISTORY PSYCHOLOGY

Summary

The possibility of the building of normative auto-identificational model in conceptual prospect of cultural-history psychology is discussed in the article. The possible outlines of this model are provided. The definition of auto-identification developed through the prism of theories of L. S. Vygotski, M. M. Bahtin and in the context of V. S. Bibler's and G. M. Kuchinski's ideas is suggested. The possibilities of consideration of the internal dialogue as the main mechanism providing auto-identification are analyzed. The types of the internal dialogue as the mechanism of auto-identification are considered. Functional structure of auto-identification as high psychic function is offered.

УДК 159.9:37.015.3

А. П. СКАРЖЕВСКИЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ НА НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Национальный институт образования, Минск

Современная действительность характеризуется развитием высоких технологий и активным ростом темпов научно-технического прогресса, начавшемся ещё в XX столетии. Без развития науки и подготовки кадров для различных отраслей невозможно совершенствовать научно-технический прогресс. С учетом этого основная задача любого государства на современном этапе развития общества должна состоять в том, чтобы через систему непрерывного образования (в том числе и профессионального) повысить уровень развития современного человека, а у выпускников учреждений образования разного типа (школ, гимназий, лицеев) формировать интерес и ценностные ориентации на научную деятельность как социально значимый вид творчества.

«Сегодня наука «...становится той основой, на которой перестраиваются и рационализируются многие сферы человеческой жизни. Она во все возрастающей степени входит в наш жизненный мир, определяя основные способы и формы отношения людей к природе, обществу, другим людям» [1, с.15].

Ценностные ориентации, как известно, наиболее активно и осознанно формируются в старшем подростковом возрасте, поскольку в этот возрастной период учащиеся более осознанно начинают размышлять о цели и смысле своей жизни, а также о выборе своей профессиональной деятельности.